

давалось. Посадить нас тогда уже не могли. А нам всего дороже было очищение, катарсис, который переживали наши зрители. И если это получалось — был праздник». В этом случае говорят, что человек любит не себя в искусстве, а искусство в себе. И театр, и оркестр, и джем-сейшн требуют взаимопонимания и усилий многих людей. Хотя не обойтись и без лидера, который смог бы объединить эти усилия. Валерий часто оказывался «локомотивом» различных проектов. Так пошло еще с калининградского джаз-клуба, который здравствует и поныне.

Начало девяностых «обнулило» жизнь россиян круче любых переизменений. Если искать точку отсчета — так в тех временах, когда вся Россия... оказалась на диком Западе, не трогаясь с места.

Сегодня везде звучит волшебное слово «интеграция». Мы рады интегрироваться, следуя бодрому призыву — но с чего начать? Никто не даст рецепта: его надо составить самому, исходя из собственного опыта, и, возможно, чьего-то примера.

«Русскоязычные в Финляндии: успешная интеграция на личном примере» — новый совместный проект «Спектра», Финляндской ассоциации русскоязычных обществ (ФАРО) и Отдела по работе с соотечественниками Комитета по внешним связям при Правительстве Санкт-Петербурга.

Двадцать очерков. Двадцать историй успеха. Двадцать человек, живущих рядом с нами.

тересует уровень. Если человек закончил академию Сибелюса — он по умолчанию хороший музыкант, это марка. Можно работать и преподавать. В оркестры берут в основном своих. Маленькая коррупция, как везде. Нужны связи. Здесь есть причины для обиды у тех, кто приехал. Они играют лучше местных, а работы не светит...» — обрисовывает Валерий невеселую ситуацию в своем «сегменте рынка труда». Но ведь редок талант, которому не надо помогать, который дополнен своего рода «инстинктом самореализации»?

Первое рабочее место Валерия Никитина в Хельсинки — полупрофессиональный симфонический оркестр Каунинянен. Стали появляться знакомства. Он «засветился» на джем-сейшне в популярном джаз-клубе «Сторивилли» (более удачного для музыканта способа заявить о себе, наверно, нет — тут на виду и мастерство, и умение слышать коллег, и чувство ритма, и чувство меры, и чувство такта). Его заметили и «призвали», как «варяга», в капельмейстеры, трое финских музыкантов. Возник и восемь лет «держится на плаву» упомянутый уже квартет. В его активе — четыре диска и участие в многочисленных джазовых фестивалях. Знакомства-знакомствами, а мастерство, как говорится, не пропьешь — им можно только поделиться. И пусть далеко не все ученики готовы «пилить гаммы до обеда» — важно,

«Русскоязычные в Финляндии: успешная интеграция на личном примере»

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ВЕЗДЕ ОДИНАКОВЫ

Помните задиристое стихотворение Захера?

«У меня сосед — скрипач,
Да какой еще!
Хоть плачь!
Он недавно въехал к нам.
Он тоже мальчик.
Толя.
Учится в какой-то там
В музыкальной школе.
Я звал его играть в футбол,
А он, конечно, не пошел:
«Я занят, к сожалению,
Готовлюсь к выступлению».
Чего и ждать от скрипача!..
Бойтся он, небось, мяча!»

Может статься, кто-то из детских приятелей Валерия Никитина именно так о нем и думал. Валерий, по собственному выражению, «ловил кайф» от музыки еще в детском саду. Потом учился в музыкальной школе по классу, как он ласково говорит, «скрипочки». Хотя, если быть точным, он альтист. Закончил Калининградское музыкальное училище и Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории. «Так что это стезя. 17 лет я проучился одной профессии. Одновременно занимался джазом...». И еще композицией — что чувствуется даже в ходе разговора: он естественно строится/струится вдоль временной оси — детство, юность, зрелость... Синкопа, и все, казалось бы, с нуля: 1996 год, переезд в Финляндию.

Тихая квартира в Эспоо: дочери

выросли и разъехались. Старшая заканчивает академию Сибелюса по классу оперного пения, и уже дебютировала в Национальной опере. Младшая — студентка Высшей коммерческой школы Hela.

Валерий и его жена Элла преподают музыку. Он работает для театра (музыкальное руководство и аранжировка для мюзикла «Calypso», другие проекты), руководит финским джазовым квартетом «Niki's four jazzmen». «В джазовом мире меня называют Ники, по фамилии», — поясняет Валерий.

Так с нуля? Или точка отсчета все же была иной?

Калининград, шестидесятые. «Там собрались люди, наверно, всех национальностей, которые были в СССР. И это смешение кровей, культур и менталитетов породило особый калининградский менталитет. Потом, близость морского порта, где мы имели возможность из первых рук получать заграничные пластинки с новинками джаза. Так что город был авангардно-провинциальным. Народ, с одной стороны, простой, а с другой, что-то все время возникает новое...». Там начались занятия джазом — поначалу неофициальные, и возник джаз-клуб. Отчасти, «на 30%», по определению Никитина, интерес подогревался запретностью. Появились ценители, джаз вышел на танцплощадки, потом перебрался в дома культуры. В Петрозаводске Валерий про-

должал играть и джаз, и классику. Джаз давал внутреннюю свободу — он не имел ни госпринадлежности, ни идеологических рамок. «Мы не смотрели на запад, как на источник благополучия, нас привлекала свобода творчества. Оттуда можно было взять раскрепощенность, свободу форм и мысли. Ну и потом, было модно быть диссидентом», — шутит Валерий, хотя это самое «модно» в его устах означает, скорее, «современно». Без современности он отнесится без лишнего пренебрежения иных своих ровесников, «модные» словечки нет-нет, да и проскачат в разговоре.

Потом были три года работы по распределению в ульяновском симфоническом оркестре и возвращение в Петрозаводск. Вот и считай переезды, «нулли», когда все надо начинать с начала!

Петрозаводск принял радушно. Появилась первая квартира, свой дом. Написана музыка более чем к ста спектаклям. Преподавание, свой «биг бэнд», частые гастроли по России и за рубежом. Звание заслуженного деятеля искусств республики Карелия.

Активность — тоже проявление внутренней свободы, особенно во времена «наказуемой инициативы». Ведь «каждый хороший спектакль сдавался с боем. Партийные ребята отсматривали, делали свои выводы. Приходилось отстаивать, бороться. Но чаще всего задумку сохранить

«Когда мы переезжали в Финляндию, иллюзий особых не было. В России подперло, все стало рушиться, перестали платить зарплаты... Я знал, что в Финляндии никому особо не нужны. Но мы с женой приняли это решение, подвели очередную черту нашей жизни». Старые корни, новые надежды (надежда — не синоним иллюзии). Хямеенлинна, где они поначалу поселились, встретила настроенной тишиной — чем настрожила ответно: на улицах по-русски говорили шепотом, хотя финны русофобии как будто не выказывали. Год Валерий, по собственному выражению, «обнюхивал углы»: учился на курсах, присматривался. Жена Элла, приехав двумя годами раньше, стала преподавать в школе музыку. Возможно, они бы прижились в Хямеенлинна (где уже кушили на последние винтажное, как сейчас модно говорить, пинанино), но близкий друг семьи перетянул их в Хельсинки. Там уже училась старшая дочь, и в столице больше возможностей для музыканта. И все заверте...?

«Проблема музыкантов в том, что здесь для них нет работы. Финляндия переполнена музыкантами. Мне, как музыканту-оркестранту, после пятидесяти найти работу трудно. Спасают ученики, знакомые и профессионализм. А есть люди с консерваторским образованием, которые теряются.

Беда моих коллег заключается еще и в том, что финнов меньше ин-

чтобы музыка была в радость.

Музыкальная стезя выводит к новым людям и замыслам. Долгое, нередко безвозмездное сотрудничество с Российским культурно-демократическим союзом привело к тому, что два года назад Валерий стал его председателем. Организация большая, с непростой историей, с двумя несхожими культурными основами: одна заложена «старыми русскими», другую создают иммигранты новой волны. По воспоминаниям Валерия, «старые русские» поначалу произвели на него «старомодное» впечатление. Не осталось незамеченным и своего рода недоверие некоторых к «новым русским». «Я к этому отношусь спокойно, потому что как могло быть иначе? Ведь за мной «наследство» не самого лучшего общества, так что на меня с предубеждением смотрят не только русские, но и финны», — поясняет Валерий. Но, по его мнению, в этом общении человека и государства, откуда он родом — главное препятствие интеграции. Обычай, традиция, праздники — все это интересно, но друг друга лучше узнавать лицом к лицу. Поэтому «надо оставаться самим собой и пытаться понять, что тебе говорят на том языке, на котором с тобой говорят. И делать то, что ты умеешь делать, хорошо. А десять заповедей везде одинаковы».

Полина Копылова
Фото: Alexander Bronstein,
фотоклуб «Субъектив»